

17 2006

368к

Абдижамил
НУРПЕИСОВ

И БЫЛА НОЧЬ...

Г 2006 / 366 к

**Абдижамил
НУРПЕИСОВ**

И БЫЛА НОЧЬ...

КНИГА ВТОРАЯ

Алматы,

2005

ББК 84қаз7
Н 90

Н 90 **Нурпеисов А.**
И была ночь. Книга вторая. — Алматы. Өлке, 2005.
— 336 с.

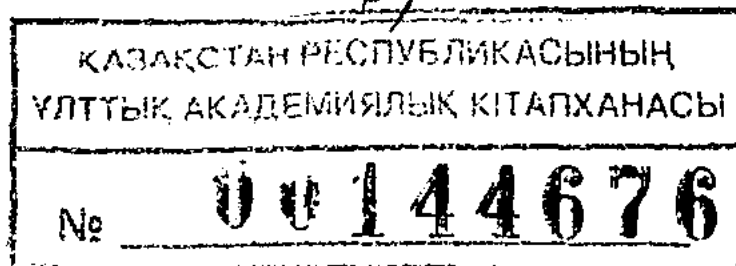
Перевод с казахского Г. Бельгера, А. Кима

ISBN 9965-742-05-7

ББК 84қаз7

Н $\frac{4702250200}{00(05) - 05}$

ISBN 9965-742-05-7

© А.Нурпеисов, 2005.
© Өлке, 2005.

Пой, сердце, припомни все свои мечты,
Пой, в нескончаемой тревоге.

Саломея Нерис

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

Неистовая буря, разбушевавшаяся к ночи, гнала снежный вал пурги в смутной темноте, бесчинствовала и лютовала по всей земле. Затем она вылетев к морю, вдруг взметнулась к небу, разметала в клочья тяжелые низкие тучи. И тут, между разрывами туч вдруг сверкнул испуганный лик далекой луны.

— Азим!.. Ази-им!.. — прозвучал слабый крик женщины. Дико завывал и гудел приаральский шквальный ветер, ревели волны.

Но когда внезапно проблеснул лунный свет, на миг из черного небытия призрачно выступила огромная льдина, унесенная штормом. Снег на льдину валил сверху, понизу завьюживало и косо мело в сторону.

Неизвестно, заметил ли все это Азим, дрожавший под тяжелой волчьей шубой.

Бакизат вся встрепенулась, выпорхнула из-под шубы, которой они прижавшись друг к другу, укрывались вдвоем. Она надеялась увидеть берег, но сразу же хлестнуло по глазам, по лицу снежным шквалом, и Бакизат отвернулась от обжигавшего, словно каленое железо, резкого порыва ветра. Его удары были столь неистовы и сильны, что она никак не могла перевести дух, выпрямиться, удержать разметавшиеся, трепетавшие у колен полы пальто.

— Ази-им!.. А-а-азии...

Бешеный ветер мгновенно сорвал вопль с ее уст, она поскользнулась, упала, но тут же поднялась на ноги, шатко покачиваясь под ледяными порывами. Она шагнула назад к Азиму, и вдруг из снежной сумятицы выступило прямо на нее нечто жуткое и несуразное.

Бакизат вскрикнула и в страхе кинулась к Азиму.

— Что-о-о?..

— Вон... Та-ам...

Теперь и Азим увидел нечто, не похожее ни на человека, ни на зверя.

— Что?.. Что это?

Азим попятился и невольно потянул за собой женщину. Боже!.. Неужели нечистая сила?..

Азим долго не решался поднять глаза, а когда, пересиливая себя, все же выглянул из-под ворота шубы, страшное видение сгнуло.

— Ба-ки-зат!..

— Что?

— Где... *Это?*

Бакизат высунулась было из-под полы шубы, но тут же отпрянула назад. Теперь эта нечисть явилась с другой стороны. Похоже, ей по нраву ревущая, завывающая между небом и землей взбаламученная стихия. И, видимо, ее веселит, будоражит ее, приводя в бешеный восторг, и она безумствует, словно шаман в экстазе своего неистового камлания.

Бакизат была в ужасе. Не отрывая глаз, смотрела она туда, откуда могла надвинуться нечисть. Чудище все металось, вздымая за собой шлейфы снега. Потом вдруг остановилось и начало яростно колотить себя руками в грудь, шлепать по бокам, плечам и бедрам. Затем оно, будто лишь теперь заметив их, круто повернулось и вперевалку двинулось к ним.

Видел Азим или нет приближавшееся к ним странное двуногое существо, но Бакизат, следившая за каждым его движением, окаменела от страха. Она, почти бездыханная, дрожащая, все крепче прижималась к Азиму. Тем временем чудовище, облепленное снегом, неуклюже косолапя и переваливаясь с ноги на ногу, приблизилось к ним и остановилось рядом. Да ведь... ведь это... Бакизат в приливе гнева не находила слов.

Едва сдерживаемые накипающие слезы, она думала о своей несчастной женской доле. Какие только джигиты, тщетно добивались ее благосклонности. И вот... вот как горькая насмешка, как расплата за гордыню — достался ей этот... Однако, как ни суди, как ни строй из себя гордую недотрогу, но коли уж ты родилась женщиной, то женская твоя натура рано или поздно проявится, и ты окажешься не лучше всякой заурядной аульной бабы. Иначе как понимать то, что и ты, бесстыжая, бывало, места себе не находила, когда Передовик Труда возвращался домой спустя неделю, а то и месяц с дальнего рыбацкого

стана. Наскоро готовила ужин. Раньше, чем обычно, укладывала детишек. И как же томилась, теряя терпение, пока не сходилась в жаркой постели с грубо скроенным дюжим мужчиной, насквозь пропахшим рыбой и морем... «Умри! Умри лучше!» — вскрикнула она. Ее била дрожь. Не-т! Не-т! — вскричала она, крепко прижимаясь теперь к Азиму. Что бы ни случилось с ними, отныне она всегда будет вместе с этим человеком. Коли суждено умереть, то и умрут вместе. Коли суждено замерзнуть, замерзнут тоже вместе. Если Богу было не угодно обручить их в этой жизни, то она наперекор судьбе, всем, всем наперекор навеки обручится с любимым в смерти. Ну... Ну и кто тогда посмеет разлучить их? Всевышний? Судьба?.. Никто! Ни-кто!

* * *

— Эй, Азим?!..

Бакизат вздрогнула от неожиданно прозвучавшего рядом голоса.

— Азим... Эй, слышишь? Надо двигаться, бегать.

— Подожди... не уходи... скажи, мы... мы уже в открытом море?..

— Похоже... Волны стали круче.

— Господи... ка-к это могло случиться?..

Азим стал заикаться. Зубы стучали. Похоже, заплакал, не успев договорить. Жадигер повернулся, чтобы уйти, но вдруг что-то удержало его, он остановился.

— Эй, курдас¹, — прокричал он, стараясь, видимо, перекрыть рев моря и гул ветра, и в голосе его вдруг прозвучали несвойственные ему прежде жестокость и злорадство, — эй, курдас, замечаешь эти места?

— Что-о?..

— Скоро море высохнет, и тогда, Бог даст, здесь распашем плугами, а?

— Плуга-а-ми?! Какой к черту плуг?

— Как же?.. А твой великий план?..

— План?..

— Да, твоя идея... Хотели же осушить море! Целину поднимать! И...

Не успел Жадигер договорить, как из глаз словно посыпались искры. Не сразу дошло, что

¹ Курдас — ровесник

его ударили по лицу, а когда он опомнился, по груди его с остервенением колотили два крепко сжатых маленьких кулачка:

— Пропади ты пропадом! Уйди! Сгинь! Сгинь с глаз моих!

За столько прожитых с нею лет Жадигеру ни разу не приходилось слышать, чтобы эта женщина кричала с такой неистовой яростью. Жадигер не проронил ни слова и отошел, не пряча, однако, кривой ухмылки. Хотя все и не к месту было сказано, но он впервые за многие годы остался доволен собой. Наконец-то сказал, что хотел!

Азим долго не мог прийти в себя, он весь дрожал, не в силах совладать с ознобом. Бакизат не на шутку испугалась, полагая, что бедняга замерзает и может погибнуть раньше, чем даже она сама. И, как могла, укутала его, поправила сползший с шеи пуховый шарф, поплотнее запахнула ворот пальто, поверх которого была накинута огромная волчья шуба. И время от времени растирала нестерпимо щемящие кончики своих стынущих пальцев.

— Азим... Азим, родной, как ты?

Азим весь дрожал, ничего, кажется, уже не воспринимал. А еще совсем недавно он был другим. Он вслух рассуждал о том, что в ауле люди наверняка не будут сидеть сложа руки. Подобное в этих краях не раз случалось и прежде: тогда сообщали по рации об унесенных в открытое море на льдине, вызывали самолет или вертолет. Отправляли верховых по всему побережью, извещая близлежащие поселки, рыбацкие станы о случившейся беде...

Азима сотрясала крупная дрожь. «Неужели он погибнет, — подумала Бакизат, — если кто-то будет повинен в его смерти, так только этот негодяй. Ему ведь ничего не стоит убить человека». Ей вспомнилось, как мать прибежала наутро после свадьбы. И с нескрываемой насмешкой ехидно спросила: «Тебе, доченька, наверное, было страшно с ним ночью? Он даже на вид жуткий, как черный дромадер».

После этого каждый вечер ты шла к постели, принуждая себя, через силу, словно

на казнь... Мать уверяла, что он когда-нибудь покалечит или убьет ее. Так оно и вышло: в тот раз он действительно ее чуть не убил... А в чём, спрашивается, твоя вина? Ты, проводив свой отпуск в столице, приехала домой. На другое утро приехал и он с устья Амударьи. Без слов было ясно, что он вкалывал день и ночь. Худой, обросший, невымытый, еле держался на ногах. Не в силах даже перемолвиться словом с домашними, кое-как поужинав, завалился спать. Когда поутру, просонья, привычно потянулся к тебе — постель твоя, еще теплая, была уже пуста. И на другой день ты опять позже обычного подавала ужин. Потом, усадив рядом дочурку, стала помогать ей готовить уроки. Ты, конечно, знала, что в эти минуты там Передовик Труда теряет терпение, томится, поджидая тебя. Ты догадывалась, что он переполнен гневом и обидой. Но не боялась. Как ни странно, вместо страха, ты испытывала торжествующее злорадство. Что это, бабья стервозность? Или извечно присущая женской природе безоглядная жертвенная готовность все поставить на кон во имя трепетной любви?

Ты, конечно, в глубине души понимала, что богобоязненной женщине труднее всего переступить порог супружеского целомудрия, но, стоит переступить однажды, ее уже не остановить. Если бы, хватило у тебя духу спросить о тех днях, когда я была в Алма-Ате, я не стала бы таить свои грехи ни от кого, тем более от тебя. «Хочешь убить, ну, убивай!» — крикнула бы тебе. Согрешив однажды перед Богом, стала бы таиться? Нет, нет, никогда!.. Ни в чем не винясь, не каюсь, поведала бы о выпадающем на долю женщины лишь раз в жизни, о пронзительном восторге наслаждения, который испытывает она в чудные, да что там чудные, сумасшедшие, волшебные, ошеломляющие мгновения, когда душа сливается с душой, тело сливается с телом. И это ты называешь грехом? И вменяешь мне в вину? Ну и пусть! Пусть! Не я одна, а любая другая, когда-либо посетившая этот мир, и испытывавшая страстное неистовство на жарком ложе любви, зажигала и зажигалась бы сама ответным огненным чувством. И тогда, пока не забрезжат первые розовые лучи утренней

зари, какая обезумевшая от счастья баба в миг сладостного дурмана, когда сливаются воедино плоть с плотью, душа с душой, могла заметить бремя подминающей тяжести вожделенного мужчины? И в этот час лишь молила бы Всевышнего, чтобы не кончалась, никогда не кончилась пронизывающая все существо трепетная услада.

Потом пришло время возвращаться домой. И в поезде, оказавшись одна в купе, ты под перестук колес предавалась воспоминаниям о пережитых тобой чудесных днях. И каждый час, каждый денечек, проведенный с Азимом, ожил вновь. Всю дорогу неотступно донимала тебя странная мысль: повторится ли еще тот рай, тот блаженный час, в котором тебе выпало счастье пребывать? И вопрошала ты себя, существует ли вообще рай нескончаемых блаженных объятий? А если и существует, то где он расположен? На небе? На земле? Такая обитель должна быть только там, ближе к Богу, в глубинах звездного сада мироздания.

Счастливы тот, кто испытал подобные мгновения. Ну, что ты скажешь? Обвинишь?

Покараешь? Эх, бедняга! Бедняга! Разве можно покарать женщину за любовь? Есть ли вообще такая сила, такой закон на земле, который способен обвинить, покарать за любовь? Но откуда тебе, несчастный Передовик, было узнать об этом. Ты, тюфяк, даже сгорая от ревности и кипя гневом, не посмел решиться на прямой разговор.

Не приведи Бог пробудиться поздней бабьей страсти, а коли уж она пробудилась, то скажи, скажи мне, когда, кому и где удавалось скрыть ее от любопытных взоров? И я, грешная, не смогла скрыть, а если честно, то и не хотела.

Так прошел день. Прошел второй. На третий день ты ушел в спальню, не дожидаясь ужина, вроде бы уснул. Потом внезапно проснулся, когда в доме уже все стихло, глянул, вытянув шею, на соседнюю кровать. Потом встал. И придерживая одной рукой спадающие кальсоны, бесшумно ступая по полу босыми ногами, прокрался к соседней постели. И ты наклонился, будто не узнавая свою жену, наклонился еще ниже, как будто только теперь

дошло до тебя, что женщина, которая лежала под одеялом, по-детски скорчившись, поджав колени чуть ли не до самого подбородка, вовсе не чуждая незнакомка, а твоя законная жена. И только потом, будто сообразив, что нужно что-то делать, постояв минуту, переминаясь в нерешительности с ноги на ногу, ты осторожно приподнял краешек одеяла, намереваясь прилечь рядом. Вот тут я и проснулась. Нет, прежде чем проснуться, будто почувствовала чье-то приближение и насторожилась. Затем вмиг раскрыла глаза и, увидев рядом с собой тебя, невольно вздрогнула...

Я не сказала ни слова, только резкими движениями руки подоткнула под себя одеяло, при этом обдав презрительным взглядом Передовика Труда в спадающих кальсонах, и отвернулась к стене. Ты стоял, нависая надо мной темной глыбой, как истинный Кара Нар, черный дромадер. Я повернулась на другой бок, ты в замешательстве потоптался на месте и затем, обиженно сопя носом, возвратился в свою постель... Весь день потом был занят делами, домой вернулся поздно, не стал

ужинать, был черен от злости. Очевидно, досада минувшей ночи у тебя не прошла. Я насторожилась, хотя и не испугалась твоего угрюмого вида. Однако знала, что муженек не сегодня, так завтра непременно отчубучит что-нибудь. Так оно и вышло. Кажется... да, да, кажется, на четвертый день, напившись до потери сознания, устроил дикий пьяный дебош.

Чем сильнее ты презирала и ненавидела мужа, тем более виноватой чувствовала себя перед Азимом: ну какое счастье может принести человеку женщина бесталанная, с заурядной и стертой, словно серый булыжник, судьбой? Да, Азима ты не осчастливила. И никак не могла понять, почему он так прикипел к тебе, будто не было на свете более достойной женщины. Может быть, та необъяснимая извечная страсть, что бросает ночную бабочку на испепеляющий огонь, нередко толкает и человека на самые нелепые безрассудства? Кто-то осудит такой шаг. Кто-то одобрит. Захотят, так определяют все это как непростительный грех. Если его недруги там, в столице, узнают, что он замерз на льдине,

унесенной в море, они не сдержат злорадства: возомнил себя чуть ли не полубогом — поделом и наказан, мол. И не только среди завистливых коллег, которым покоя не давала сопутствующая ему звезда удачи — но и здесь, среди земляков и сородичей, найдется кому осудить Азима. Ведь даже и этот недоумок тоже пытался сейчас насмеяться... О, Боже, не зря говорят: когда кулан провалится в колодец, на ушах у него пляшут и квакают лягушки.

В тот раз, когда ты была вместе с Азимом, за городом, он сказал тебе с горечью: «Что мне до всех остальных? Знаешь, меня больше всего достает упорное нежелание Жадигера вникнуть в мои замыслы». Высказавшись, он тут же смешался и, видимо, раздосадованный на себя за слова, оброненные в сердцах, вскочил и стал поспешно удаляться. Но, отойдя немного, вдруг остановился, выпрямился и оглянулся...

О Боже, какой был, однако, тот воскресный день! Вокруг вся равнина, распростертая у подножия гор, ярко зеленела сплошным

разнотравьем, которое еще с весны, буйно и безудержно пробившись сквозь зной к сияющему зениту лета, задыхалось от собственной чрезмерной густоты и ароматов. Среди этого зеленого буйства там и тут отдельными роями вспархивали неведомые тебе белые, желтые, голубые, пурпурно-алые цветы.

Ты видела, как Азим легко, молодо сгибаясь, срывал на букет покачивающиеся на ветру на своих гибких тоненьких стебельках полевые цветы. Ты следила за своим статным спутником. Вот он повертел в руке букет, оглядывая со всех сторон, выдернул из него и отбросил парочку чем-то не понравившихся цветов. На тебя, так и продолжавшую сидеть, не шелохнувшись, он ни разу не оглянулся. Хоть и не оглянулся, но ты знала, что его мысли заняты только тобой. Вот увидишь, когда он вернется, в нем не останется и следа от недавно проявившейся горечи. Ну вот, так и есть, он уже шел к тебе, издали сияя улыбкой. А подойдя, с присущей ему изысканной галантностью, слегка наклонив голову, подал тебе букет.

— Спасибо!

Чем бы Азим ни был озабочен, он умел, однако, быть всегда внимательным к женщине, умел угадать ее тайное желание. Смотри, какое удовольствие доставил тебе вроде бы пустяшным вниманием... Но ты не подавала вида, что рада. Была сдержанна и продолжала сидеть, обхватив колени руками... В ту минуту ты вновь глухо досадовала в душе на Передовика Труда, который, по обыкновению своему, вечно мотается Бог весть по каким местам своего умирающего моря.

— Какие чудные цветы!

Сказала тихо, почти шепотом, так что и сама едва расслышала свой голос. Затем, даже не взглянув на присевшего рядом Азима, принялась вдыхать аромат букета. Крохотные, как мышинные ушки, лепестки только что сорванных цветов — белых, желтых, пурпурно-алых, — храня еще сыроватую прохладу земли и свежесть горного ветерка, мягко и нежно, словно ласкаясь, едва осязаемо коснулись твоих губ. Никогда прежде полевые цветы, настоянные на ярком солнце и жарком ветру,

не вызывали у тебя такого тихого восторга и душевного трепета. Вы оба молчали. Каждый был захвачен собственными мыслями и чувствами. Ты все еще ждала продолжения тех нечаянно сорвавшихся с уст Азима слов, за которыми явно таилась какая-то пока еще неизвестная тебе тайная горечь. Но ты не думала, не предполагала даже, что всегда восхищавший тебя своим редким самообладанием и сдержанностью Азим станет отвлекаться, жаловаться на какие-то там свои обиды на кого-то, на что-то, когда вы в кои-то веки выбрались за город, чтобы побыть наедине друг с другом.

Молчавший Азим вдруг встрепенулся, подался вперед, протянув руку, сорвал привлекая его внимание одинокий стебелек, заметно выделявшийся среди других трав. Потом только заговорил. Говорил медленно, по одному отрывая узкие листочки, свисавшие вдоль гибкого стебелька. Многие из того, что он рассказывал, ты слышала и прежде. Ты знала, что ученая братия, завидуя сопутствующей ему удаче и громкой славе,

его неоспоримому таланту, в последнее время объединилась против него. Ученая братия успела настроить недоброжелательно и Большого Человека, который раньше во всем поддерживал Азима. Ты молчала, то и дело искоса поглядывала на Азима. Заметил он или нет твой взгляд, неизвестно, но вдруг он замолк на полуслове, высмотрев у своих ног большого рыжего муравья, намертво вцепившегося в брюшко зеленой мохнатой гусеницы, и подался вперед, стал хлестать по муравью стебельком цветка.

Ты улыбнулась. Долго хранила в уголках губ эту таящую тепло улыбку и задумалась. Чего уж скрывать, в тот день Азим озадачил тебя. Ты тревожилась за него. Он был и похож и не похож на того Азима, которого ты знала всегда. Будь сейчас тут прежний Азим, стал бы он изливать свои обиды, ибо сам мог обидеть кого угодно. Азим, которого она раньше знала, предпочитал, чтобы говорили другие, он же при этом только слушал...

Неспешно раскуривал потухшую трубку и затем, попыхивая время от времени дымком

душистого заморского табаку, откидывался на спинку кресла и лениво внимал какому-нибудь очередному посетителю, который, весь подавшись вперед, говорил неумолчно, захлеб. Он не прерывал его, если даже тот прежде чем выдать очередную порцию словоблудства, смолкал на миг, передыхая, и затем, поерзав на стуле, словно в задю завелся некий зудливый червячок, продолжал краснобайствовать дальше. Если же начинало надоедать, Азим ничуть не смущаясь, мог и прилечь на диван, вольготно вытянув ноги, и расслабиться, слушая словоблуда вполуха. Он мог даже впасть в полудрему и, бывало, зевал.

Да, Азим, которого она знала прежде, был именно таким. А в тот день... В тот день он говорил сам, а ты слушала. Говорил про обиды. А ты с щемящей болью в сердце безмолвно разделяла их. Выходит, в тот день он пригласил тебя за город, чтобы раскрыть перед тобою свои печали. Ты догадалась об этом уже потом. А тогда утром, собираясь за город, ты ожидала про себя совсем другое. И тебе вовсе не приходило в голову, что разговор сегодня

пойдет об Арале. Вот и считай после этого, что женщины проницательнее мужчин.

В тот день, когда рано поутру Азим позвонил тебе:

— Батишжан, я не разбудил тебя? — как бы извиняясь, спросил он, — сегодня выходной. И денек выдался славный. Если есть желание, съездим за город. Развеемся. Как ты на это смотришь?

Ты чуть не прыснула весело в ответ, но успела вовремя зажать себе рот ладонью. Еле сдержала распиравший тебя игривый, словно бесенок, смех. Что значит «как ты смотришь»? Конечно, хорошо смотрю... Только собиралась сказать это, как в тебе снова начал пузыриться, совсем некстати, этот игривый бесенячий смех. Ты не сразу заметила, что заставила долго ждать человека на том конце провода. Вздогнула, когда в трубке, прижатой к уху, вновь ожил вальяжный голос:

— Или у тебя другие планы?

Ты не на шутку испугалась, как бы он не бросил трубку до того, как ты согласишься дать свое согласие. Впопыхах не запомнила,